

И.ЮРКИН

СЛЕДСТВО

**О ПАРТИКУЛЯРНЫХ
ЗАВОДАХ**

**[МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ХРОНИК
ДЕМИДОВСКОГО РОДА]**

Мы гораздо более научаемся истории, наблюдая настоящее, чем поняли настоящее, изучая историю. Следовало бы наоборот.

В.О. Ключевский.

Может быть, и следовало бы, да не очень выходит. Текущее ближе, нагляднее, на первый взгляд проще. А история — ее, прежде чем понять, узнать нужно. Труд благодарный, но обременительный. И все же давайте пробовать. Без наблюдения, без изучения, без понимания, на них основанного, да остережемся судить.

С 1995 годом связано несколько памятных и юбилейных дат из истории российского металла и рода Демидовых: исполняется 400 лет первому упоминанию колыбели демидовского рода Кузнецкой (Оружейной) слободы в Туле, 300 лет основанию Никитой Демидовым своего первого металлургического завода на реке Тулице, 250 лет со дня смерти продолжателя его дела сына Акинфия (29 августа н.с.).

Мы знаем Демидовых как талантливейших предпринимателей, без деятельности которых невозможно представить историю отечественной горно-металлургической промышленности. Вклад их в нее настолько значителен и очевиден, что едва ли стоит повторять многократно сказанное. Но какой ценой был достигнут этот успех? Напряжением всех способностей и сил, применением всех доступных средств. В том числе тех, которые находились на грани закона или даже за нею. Демидовы рисковали, и умение обойти закон было составной частью их талантов. Оправдывает ли результат использованные для его достижения средства — решать читателю. Мы лишь расскажем ему о них, а заодно и о нравственной атмосфере эпохи, достойными сынами которой были Демидовы.

В биографиях знаменитых горно- и металлзаводчиков Демидовых, даже самых известных из них, все еще немало белых или, во всяком случае, туманных пятен. В особенности у представителей первых поколений фамилии, жизнь и труды которых тесно связаны с Тульским краем, колыбелью демидовского рода. Этот очерк посвящен нескольким драматическим эпизодам из жизни этой семьи — эпизодам, действие которых разворачивалось в основном именно в Туле. Листая страницы старых документов в надежде разобраться в хитросплетениях событий и зигзагах судеб, мы лишь отчасти справились с поставленной задачей. Не все предположения, кажущиеся сегодня правдоподобными, оправдаются в будущем. Но хочется верить, что загадок, которыми изначально была так богата эта история, сегодня стало заметно меньше.

Несколько слов о главных действующих лицах нашего рассказа — Демидовых. В 1733 году, с которого начинаются описанные ниже события, демидовский род состоял из двух семейств, главами которых были сыновья основателя промышленной династии Никиты Демидовича Антюфеева (впоследствии Демидова) Акинфий (старший) и Никита (младший). Любимец отца Акинфий (1678-1745), получивший от него в наследство все недвижимое имущество (прежде всего — заводы), заметно обогнал своего младшего брата. По состоянию на начало 1733 г. ему, помимо открывшего историю демидовского «горного царства» Тульского доменного и передельного завода¹, принадлежали 13 металлургических мануфактур и одна кожевенная. Новые предприятия Акинфий строил только на Урале и Алтае. В центре России у него оставался лишь отцовский Тульский завод и находившийся поблизости Верхотулицкий, принадлежавший до 1728 г. брату Григорию. Впрочем, последним Акинфий владел чисто номинально — пользовались им потомки Григория.

Хозяйство Никиты Никитича (ум. в 1758) было куда скромнее. Не раз испытал сопротивление Акинфия своим попыткам обосноваться на Урале, он не пренебрегал российским центром: строил предприятия, в частности, на территории нынешней Калужской области. В 1733 году он был владельцем трех заводов: Дугненского и Брынского в Центральном металлургическом районе и Шайтанского на Урале. Успехам предпринимательской деятельности Демидова в средней полосе России способствовало еще и то обстоятельство, что он сумел воспользоваться возможностями, открывшимися перед ним при поступлении на службу по горному ведомству. По определению Берг-коллегии

от 23 февраля 1726 г.² ему было «велено... быть в Туле у десятинного с кампанейских заводов збора яко цегентнеру», то есть уполномоченным по сбору пошлыны. Он создал в Туле контору десятинного збора и взимал его с металлозаводчиков Тульско-Каширского металлургического района вплоть до 1734 г. В отношении основной массы плательщиков отличался достаточной требовательностью, себя же не обижал — проведенная в 1733 г. проверка выявила серьезные злоупотребления, допущенные им при расчетах с казной.

Пролог

(август 1733 г.)

Середина 30-х гг. XVIII века — трудная полоса в жизни братьев Демидовых, время, когда шквал следственных дел по обвинениям во множестве преступлений (включая уголовное) нанес сильнейший удар по могуществу их рода, ковавшемуся упорным трудом.

Одно из важнейших событий этого периода истории частной металлопромышленности России — всеобщая ревизия расчетов заводчиков с казной, так называемое «Следствие о партикулярных заводах». Начато оно было на основании именного указа императрицы Анны Иоанновны от 4 августа 1733 г. президенту Коммерц-коллегии барону П. П. Шафирову. Ему поручалась проверка выплаты заводладельцами десятинного налога (исчислявшегося исходя из объема выпущенной продукции) и торговой (таможенной) пошлыны.

Согласно указу, следствие возглавил сам Шафиров. Черновая работа была возложена на его родственника, советника Московской конторы Коммерц-коллегии Михаила Шафирова, гвардии капитана Савву Кожухова и Василия Васильева, секретаря Конюшенной канцелярии, назначенного 3 августа в штат Коммерц-коллегии на должность ассессора. Обследование заводов Центрального металлургического района поручили Васильеву, уральских — Кожухову. Шафиров (Михаил) должен был находиться в Москве, изучая здесь выписи из таможенных книг.

На Тульском заводе Акинфия Демидова

(октябрь 1733 г.)

Получив соответствующие инструкции, Васильев прибыл в Тулу в первых числах октября 1733 г. Ревизию местных предприятий³ он начал с завода на Тулице, принадлежащего Акинфию Демидову. Его владелец находился в это время в Москве, задержанный здесь по «серьезному делу». Приближение ревизоров многих перепугало: подписанная императрицей инструкция угрожала смертной казнью всем, рискнувшим утаить от следователей что-либо важное. Управлявший Тульским заводом Акинфия его шурин Семен Пальцов бежал, но был вскоре пойман. Его допросили, приведя к следователю под караулом.

Приехав на завод, Васильев, согласно инструкции, обязан был «запечатать все заводские книги, записки и письма» и, по завершении допросов персонала, тщательно их изучить. Но документации в заводской конторе нашлось немного — лишь черновые записи, фиксировавшие продукцию начиная с 1713 г., и то не за все годы подряд. Заполняя пробелы, Васильев действовал «по расположению»: основывался на показаниях мастеров, использовал данные за известные годы. Расхождения с цифрами, которыми располагала Берг-коллегия, получились значительными. За период с 1720 по 1733 гг. на Тульском заводе было выплавлено, согласно коллежской ведомости (основанной на сведениях, представлявшихся владельцами), 656796 пудов чугуна, а по подсчетам Васильева — на 24% (почти четверть) больше. Акинфий Демидов, по его оценке, утаил от казны более 85 тысяч рублей.

Среди заводских бумаг Васильев обнаружил записку хозяина Тульского завода, осведомлявшегося, забраны ли у некоего Алексея Попова его (Демидова) письма. Этот Попов, он же Игнатъев, прежде служил у Демидова писарем. Вскоре подоспел донос: приставленный Тульской провинциаль-

ной канцелярией для помощи Васильеву канцелярист Яков Самсонов указал на Игнатьева как на человека, «который может многую интересную утайку знать за Демидовым и за прикащиками его». Кое-что, слышанное им от Игнатьева, Самсонов пересказал: сообщил о завышении цен, по которым заводчик продает металл казне, о сокрытии от налогообложения железа, передаваемого для продажи служащим у него в приказчиках своим родственникам Семену Пальцову и Федору Володимерову (зятю)⁴.

Отступление первое

Кое-что о российской государственной модели «души гражданства»

«...Полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков, и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства»⁵ — эту выразительную формулу породила одна из самых значимых, узловых для истории России эпох — Петровская.

В славное и горькое царствование Петра I доносы, которыми российская правоохранительная машина и прежде не брезговала, стали играть все более постыдно заметную роль в обеспечении «нормальной» работы. Доносительство не только не осуждалось — оно одобрялось и поощрялось. Вполне естественная потребность в существовании системы специального государственного надзора вылилась в создание (1711 г.) института фискалитета. Лица, числившиеся фискалами, должны были, причем совершенно официально, бдительно следить за всем, «что во вред государственному интересу быть может», и доносить о малейших попытках принести последний в жертву интересу лично-му. Если донос не подтверждался, ответственности за оговор фискал не нес. Но если следствие обнаруживало указанные им злоупотребления, он получал четвертую долю от суммы денежного штрафа с нарушителя, плюс еще одна четверть оставалась «на раздел» прочим фискалам города⁶. Стимулировалось доносительство и рядовых подданных: их «изветы» столь же щедро оплачивались из штрафных денег.

Смелых, удачливых, не отягощенных чрезмерной щепетильностью Демидовых доносы сопровождали едва ли не с самого начала их деятельности в «большой» металлургии. А с появлением в России государственных фискалов посыпались как из рога изобилия. Основатель династии, которому, несомненно, было что скрывать, относился к деятельности профессиональных доносчиков с большим вниманием и, ловко используя изменения обстановки, умело, временами даже артистично, отбивался от их домогательств.

Немало крови доносы попортили и сыновьям Никиты. Следствие о заводах тоже в значительной степени было инспирировано ими. Доносы же сопровождали работу шафировской комиссии на протяжении всей довольно длительной ее истории.

Доносы на Никиту Демидова *(октябрь 1733 — декабрь 1734 г.)*

Васильев у Акинфия Демидова трудился усердно и уже 11 октября, закончив дела, смог перебраться на завод его младшего брата Никиты. К приему комиссии тот был готов: помогла полученная от Акинфия копия инструкции, выданной ревизору.

И здесь добровольные доносители сообщили следствию множество вещей, которые хозяин предпочел бы скрыть.

Стоило направляемому на завод помощнику Васильева, сержанту Преображенского полка Ивану Трунову, прибыть в Алексин, как от бурмистра городской ратуши Ивана Рыкалова поступило доношение о неуплате заводовладельцем таможенных пошлин.

О нем же — Никите Никитиче — шла речь в доношении, тайно поданном Васильеву на пути в Москву приказчиком заводчика Родионом Горбуновым. Демидов организовал за ним погоню. Основания для беспокойства у него, безусловно, были — Горбунов рассказал о подготовке, которую по полученной от Демидова инструкции из 16 пунктов проводил на Брынском заводе его управитель, двоюродный брат владельца, Лукьян Копылов. Нежелательных людей — таких как несговорчивый подъячий В. Пономарев — с завода удалили. Книги внутризаводской статистики опечатали и отправили в Тулу. Их место заняли другие, составленные специально для предстоящей проверки. Заводских мастеров уговаривали в случае допроса сообщать заниженные сведения об объемах производства.

При проверке доноса выявились противозаконные действия Демидова, совершенные им уже после посещения его заводов комиссией. Оказывается, он угрожал физической расправой («тянуть жилы и клещами выбрать ребра») тем из своих мастеровых, кто не скрыл правды во время допроса ревизоров, одного даже избил. Девять наемных работников (из «правдолюбивых») собрались жаловаться в Москву. Но ходоков нагнали и, взяв шестерых под караул, выставили им ведро водки, дали денег — все с той же целью: заставить изменить первоначальные показания.

Предварительное следствие вел Трунов, вызвавший Демидова для допроса на съезжий двор. На вызов тот не явился: «упрямством своим сказки не дал и без указа сбежал из Тулы на заводы»⁷. И на клязгу Горбунова он ответил встречными доношениями — сначала в провинциальную канцелярию, потом (9 января 1734 г.) — на находившийся в Туле полковой двор Санкт-Петербургско-

го драгунского полка. Во втором прошении он сообщил о побеге в декабре 1733 г. служившего у него приказчиком на Брынских железных заводах тульского кузнеца Родиона Горбунова. Беглец, по утверждению Демидова, украл деньги, письма и многие «пожитки» — всего три ящика добра. В Калуге, на дворе посадского человека Ивана Белоглазова Горбунов распотрошил их, после чего бежал, часть имущества бросив. Осмотревший оставленное Белоглазов отправил ящики, при прошении, в Калужскую ратушу. Горбунов между тем скрывался в Туле — тайно жил здесь в своем доме. Истец просил «сыскать» беглеца, допросить его «и по роспросу и розыску отослать к воевоцкому правлению» (в провинциальную канцелярию).

11 января Горбунов был арестован и приведен «от коволерии Санкт-Петербургского полку в полковой двор», где предстал «перед господами штап- и оборьофицеры». Интересный штрих: согласно Н. И. Павленко, опиравшемуся на материалы Берг-коллегии, Горбунова схватили и свезли на штабной

двор в Туле люди Демидова. В выявленных нами документах эта деталь отражения не нашла, но выглядит она вполне правдоподобно.

На допросе Горбунов сообщил, что служил у Демидова по контракту на Брынских заводах приказчиком с февраля 1733 г. Кражу денег и пожитков, равно как и определение его поведения словом «побег», он отрицал⁸, ссылаясь в доказательство на взятую при передаче денег квитанцию. Впрочем, за всю сумму отчитаться Горбунов не сумел. Несмотря на героические усилия оправдать трату каждого рубля⁹, итог никак не сходиллся. «А достольныя девять рублей, — признается он, — издержал я на себя». Факт посещения Белоглазова Горбунов подтвердил: на двор к нему он «зоезжал, и в доме ево, показаного Демидова с крестьяны и с рекруты ночевал, и... три ящика ...оставил». Но ящики эти Демидову не принадлежали: их сделали на Брынских заводах по заказу Горбунова. Находилась в них «только одна выдра», купленная им на заводах, «да дватцать три аршина холстины, да присланныя от брата... родного всякия письма». Со двора Белоглазова Горбунов съехал не таясь, договорившись с хозяином об отправке оставленного у него имущества вслед за собой в Тулу¹⁰.

Любопытно, что эти показания, в целом обелявшие ответчика, последний подписал только в черновике — «упрямством своим к белому распросу» руки «не приложил». Возможно, Горбунов впервые осваивает тот относительно безопасный и эффективный прием торможения следствия, который впоследствии успешно использует в Петербурге.

Допрос Горбунова еще продолжался, а на полковой двор из Тульской провинциальной канцелярии поступила промемория за подписью полковника Сергея Шишкова и капитана Якова Жедринского. Говорилось в ней о том же Горбунове, но по поводу, с демидовскими претензиями не связанному. Оказывается, кузнецы Тульской оружейной слободы Родион и Никифор Горбуновы, арендовавшие у ассессора Герасима Мансурова винокуренный завод в Алексинском уезде, по сведениям, поступившим из Алексинской воеводской канцелярии, не заплатили за 1731-1733 годы налог — 153 рубля за 15 учтенных на заводе казанов. 22 декабря 1733 г. провинциальная канцелярия обратилась в Тульскую оружейную контору, требуя предоставить ей должников «для правежа». Из ответа, полученного 7 января, следовало, что один из Горбуновых — Родион — живет на Брынских заводах. Канцелярия решила обратиться к заводовладельцу: сыскав «оного Демидова», «в поставке» с него, «Горбунова, взять скаску с подтверждением». Демидов-то 11 января и проинформировал канцелярию о якобы совершенной его приказчиком краже и сообщил, где тот находится в настоящее время.

Шишков и Жедринский просили по освобождении Горбунова с полкового двора передать его им. Поскольку арестанта уже допросили, просьба была удовлетворена почти сразу: в кандалах, при драгуне и промемории, Горбунова 12 января препроводили в провинциальную канцелярию.

Тем временем заинтересовалось Горбуновым, наконец, и учреждение, «ведавшее» всех оружейников города и потому в первую очередь обязанное заниматься ими, — Оружейная контора. Адресуясь к армейским начальникам в день, когда те передавали арестанта воеводе, она¹¹ сообщила о посетившем ее 8 (?) января, то есть на другой день после ответа провинциальной канцелярии, васильевском помощнике, известном нам сержанте Трунове. Именным указом тот объявил, что имеет до Родиона Горбунова «Ея Императорского Величества интересное дело», и потребовал последнего «от нападающих на него всякого чина людей охранять и ни какой напрасной страсти не допускать». Но Горбунова в распоряжении конторы не имелось; да и где искать его — представляли достаточно смутно. Наконец, «канторе Оружейной извесно учинилось, что помянутой Гарбунов содержитца на полковом дворе, а по какому... делу — о том... не известно». Обращалось внимание на превышение военными полномочий: то, что «он, Гарбунов, без сношения канторы Оружейной на тот полковой штапной двор взят под короул — то учинено в противность указу». Согласно ему «казенных оружейных мастеров и кузнецов судом и расправою, кроме криминальных дел, ведать» следовало исключительно в Оружейной конторе. Горбунов же на полковой двор был взят «без сношения» с ней. Оружейная контора, не рискуя, однако, требовать передачи ей колодника, просила, чтобы тот, как минимум, «содержен был до указу в добром и безопасном охранении».

Адресант этого письма, полковник Протасов, 11 января предписал капитану Тейхману (распоряжавшемуся на полковом дворе) выполнить требования. Но Горбунова протасовский ордер там, видимо, уже не застал. Ответивший начальнику 14 января Тейхман отверг обвинение в превышении полномочий: по указу и плакату 1724 года, объяснял он, жившим «на вечных квартирах» полковникам и иным офицерам вменялось в обязанность смотреть, «чтоб в дистриктах их воров, и разбойников, и беглых людей, и крестьян не было». А Демидов обвинял Горбунова именно в воровстве. Кроме того, истец просил о достаточно скромном содействии: всего лишь о том, чтобы беглеца и вора «сыскали» и «распросили», предлагая отослать его после того «к воевоцкому правлению». Так и поступили: по снятии с Горбунова допроса, на основании отношения из провинциальной канцелярии 12 января (на другой день после письма Протасова) его отослали в эту самую «канцелярию при промемории». Да и в отношении казенных кузнецов, замечал Тейхман, требования, «чтоб без сношения с Оружейной конторою по ним не посылать и в других командах следствия не производить», в нормативных документах, которыми ему велено руководствоваться, «не объявлено»¹².

Загадочная смерть, и что за ней последовало (август 1734 г.)

Операция заводовладельца по нейтрализации и усмирению непокорного приказчика еще не завершилась, а над демидовской головой между тем сгущались новые тучи. Все началось с горя личного, семейного.

Заводчикова дочь Татьяна Демидова в 1734 году заболела так внезапно и тяжело, что вскоре пришлось звать священников. Больную исповедовал ее духовный отец, поп Николо-Зарецкой церкви Иван Федоров; святых тайн приобщил священник того же храма Трофим Акимов. 19 августа она скончалась. Уже на следующий день, перед литургией, усопшая была перенесена в церковь и в тот же день погребена.

Тело не было еще предано земле, когда пономарь ближайшей церкви Рождества Богородицы Василий Петров объявил доношением архимандриту Тульского Предтеченского монастыря Дионисию, протопопу Успенского собора Михаилу Никитину и попу Георгиевской церкви Петру Петрову, что Татьяна умерла смертью насильственной: убита отцом. Те, однако, к доносителю не прислушались и «без надлежащего по тому объявлению осмотра тела чрез кого следовало» дали санкцию на отпевание и погребение. Пономарь обратился к светским властям: к тульскому воеводе Шишкову, на Тульский штабной двор, в Московскую контору Санкт-Петербургской следственной комиссии о десятинном сборе (Комиссии следствия о заводах). Воевода не только не дал хода делу — напротив, арестовал Петрова и, посадив на цепь в провинциальной канцелярии, держал так долгое время. Позднее канцелярия объяснила свое недоверие Петрову тем, что заподозрила его в измышлении «по злобе»: в 1733 г. его приводил сюда Никита Демидов, добившийся начала розыска по обвинению в побеге и краже денег. За поклеп, каковым, по мнению канцелярии, являлся донос Петрова, последний был наказан кнутом.

И все же хлопоты возмутителя спокойствия не пропали даром. «Ответствие» от воеводы потребовала Комиссия о десятинном сборе. Отозвалось духовное начальство: по распоряжению епископа Коломенского Вениамина, которого также не обошел вниманием неугомонный пономарь, ответ в Тульском духовном приказе пришлось держать архимандриту Дионисию. Тот заявил, что пренебрег осмотром тела, поверив на слово священникам Федорову и Акимову. Последних допросили. Оба показали, что «об убийстве той девицы они ни от нея самой, ни от кого другого не слышали». Федоров подтвердил, что исповедовал Татьяну и что она была подлинно больна. Интересный штрих прибавил поп Трофим: Татьяна, по его словам, «казалась видом всего телеснаго состояния недавной болезни, и как бы того ж дни во всем совершенном была здравии». Впрочем, и он заявил, что «от убийения ль умерла, того не ведает». К определенному мнению епископ так и не пришел;

«за недопросом некоторых светских людей» следствие приостановили¹³. Напротив, дело, следовавшее на протяжении 1734 года в провинциальной канцелярии, было сочтено «вершеным» (законченным).

Год 1734 был трудным для Никиты Никитича Демидова. И отмечен был не только смертью дочери. Биография Никиты — суть история лица прежде всего частного. Но на протяжении 8 лет он находился на государственной службе. В тот год служба по горному ведомству завершилась: ему было предложено явиться в Коммерц-коллегию и сдать дела новому десятичному сборщику.

А впереди ждали новые неприятности. Кто бы мог подумать, что колеса почти уже остановившейся бюрократической машины вновь наберут обороты? Да такие, что в трепет придет целое учреждение.

Отступление второе Легенда и история

Обратимся теперь к любопытной легенде, приведенной в известном справочном своде П. И. Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии» (1895). Эта легенда повествует об обстоятельствах появления од-

Николо-Зарецкая церковь в начале века.

ного из приделов Николо-Зарецкого (Демидовского) храма в Туле, сохранившееся до нашего времени каменное здание которого в первой половине 30-х гг. XVIII в. было построено на средства А. Н. Демидова. «Придел св. ап. Андрея Первозванного, — сообщает составитель «Приходов», — был и в прежней деревянной церкви, на что дают указания сохранившиеся каменные столбы на месте прежних алтарей;

то же говорит и местное предание; оно первоначальное устройство иконостаса связывает с случаем из семейной жизни Никиты Демидова, говорит, что он устроен «на костях» его дочери. У Демидова, так гласит предание, были разного рода тайные подвалы и ходы; дочь его однажды из любопытства отперла один из подвалов, чем вызвала такой гнев со стороны отца, что он ударил ее так сильно ключами, что она от того умерла; этот случай был на день св. ап. Андрея Первозванного, почему кающимся отцом и устроен придел в честь этого апостола»¹⁴.

Она же в 70-е годы.

Малицкий, а вслед за ним и читатель, под Никитой Демидовым подразумевают, естественно, основателя династии Демидовых, тульского оружейника, позднее комиссара, Никиту Антюфеева (1656-1725). С таким пониманием текста вполне согласуется утверждение, что Андреевский придел существовал еще в деревянной предшественнице нынешнего храма. Действительно, при жизни Никиты Демидова (родоначальника) церковь, стоявшая на этом месте, была деревянной. Но наличие в ней Андреевского придела вызывает определенные сомнения.

Заметим, что, судя по тексту Малицкого, существование в деревянной церкви такого престола достоверно установленным фактом отнюдь не являлось — это логический вывод, результат умозаключений, опирающихся на приведенное предание и наличие в его время памятных знаков на месте старых алтарей.

Обычай устанавливать подобные знаки на местах алтарей уничтожаемых храмов, действительно, существовал, хотя и не носил массового характера. Внешний вид памятников жестко не регламентировался, но чаще они имели столбообразную форму. Так, при постройке новой церкви в селе Красном, Буйцы тож, Епифанского уезда (нынешние Красные Буйцы) место прежней было отмечено (вероятно, в 1795 г.) установкой каменной пирамиды с железным кованым крестом, завершавшейся венцом. Об одном из более поздних примеров узнаем из чертежа 1912 г., связанного с реставрацией церкви в с. Венев-монастырь Веневского уезда¹⁵. Изображение прямоугольника со сторонами чуть более метра близ юго-восточного угла храма сопровождается надписью: «Памятник на месте престола, упраздненного в 1827 г.».

В память о престолах деревянной церкви, предшествовавшей нынешней Николо-Зарецкой, были, как сообщает И. Ф. Афремов, установлены кирпичные тумбы¹⁷. Вероятно, исходя из их числа, он пишет, что престолов прежде было два. Какие именно, однако, не называет. Но известно, что не позднее 1724 года произошло объединение под одной крышей престолов Христорожественского и Никольского, ранее принадлежавших парным (летней и зимней) отдельным церквям. Разместившись в одном здании, алтари остались относительно равноправными: хотя официально главным считался Христорожественский, в XVIII в. храм нередко звался Никольским. Но никогда — Андреевским, что говорит о меньшей значимости этого престола. Так что, если тумб было только две, напрасно искать среди них ту, что отмечала место Андреевского придела. Не потому ли, что в деревянной церкви его не существовало?

Обратимся теперь к демидовской генеалогии. Поищем дочь, к которой могло бы относиться предание.

В поколенных росписях фамилии Демидовых, включая новейшие, дочери среди детей Никиты Антюфеева не значится. Но ранние (тульские) поколения рода изучены плохо, фиксирующие их росписи не полны. Дочь Никиты Демидова — тому пример. Она существовала, больше того, в исторической литературе есть упоминания о ней, генеалогами не замеченные. Замужем она была за Лукьяном Марковичем Красильниковым, известным мануфактуристом, владельцем медеплавильных заводов в Казанской губернии, основателем новой промышленной династии. Имени его жены (демидовской дочери) и дат ее жизни мы не знаем. В 1711 г. она была жива (судя по дате документа, в котором Красильников называет Демидова тестем), менее уверенно можно предположить, что была жива еще и в 1721-м. Какая-то дочь Демидова упоминается в литературе в связи с событиями 1715-1718 гг.: вместе с братом Григорием она по проискам князя Н. М. Вадбольского две недели отсидела на цепи на тульском Оружейном дворе.

Могла ли иметь эта дочь (дочери?) отношение к истории, о которой идет речь, сказать сегодня невозможно. Маловероятно, впрочем, что взрослая женщина была одновременно настолько любопытна и безрассудна, что рискнула сунуть нос в сверхсекретные тайники своего отца. Тем более что, будучи замужем, жила, вероятно, отдельно от него.

Но почему, собственно, мы так уверены, что в предании говорится о родоначальнике демидовской фамилии? В этом роду имя Никита было довольно распространенным. У первого Никиты Демидова был уже известный нам сын Никита Никитич (ум. 1758 г.), в третьем колене (считая первым Никиту Антюфеева) — Никита Акинфиевич (1724-1789) и новый Никита Никитич

(1728-1804), в пятом — Никита Львович (1767-?), Никита Васильевич (1773-1823) и Никита Григорьевич (1798-?). И это только те, которые близки к корню родословного древа, в последующих коленах есть и другие. Некоторые из них были довольно тесно связаны с Тулой.

Младший сын основателя рода вызывает в данном случае особенный интерес. Где-то в Туле (где именно — неизвестно) у него был собственный дом. Если уж искать декорации для представления нашей легенды, то почему не в подвалах этого дома? Существовать они, несомненно, могли. Ведь существовали — и обширные! — у брата Акинфия под его огромным домом в Оружейной слободе (недалеко от каменной Николо-Зарецкой церкви). Кстати, уральские исследователи непосредственным обследованием объектов также установили факт существования обширных подземных помещений и связанных с ними ходов под многими из тамошних демидовских построек.

Одна беда: подобно отцу, у Н. Н. Демидова родословные росписи дочерей не упоминают, отмечены только пятеро его сыновей. Но, как мы уже знаем, дочь была и у него. Та самая — Татьяна.

Так не о ее ли смерти сохранила память предание?

В Петербурге

(август 1734 — апрель 1735 гг.)

Обследование предприятий потребовало немалого времени: в Петербург Васильев явился только 27 октября 1734 года. Но сведения о проверке ревизор представил раньше. Во всяком случае, в распоряжении Коммерц-коллегии соответствующая ведомость уже имелась в то время, когда 30 августа 1734 г. ее президент обратился к императрице с просьбой назначить особую комиссию для окончательного решения дела. Под названием «Комиссии следствия о заводах», или «Комиссии о партикулярных заводах», она была создана на основании резолюции императрицы от 4 декабря 1734 г. Возглавил ее тот же П.П. Шафиров, в состав вошли действительный тайный советник Маслов и ассессор Васильев.

Среди прочих в ней был допрошен и Игнатъев, ни одного пункта своих обвинений доказать не сумевший. Комиссия поручила провести следствие на местах: необходимо было (в Туле — Васильеву) разыскать и расспросить лиц, на которых ссылался Игнатъев. Но и это — дополнительное — следствие результатов не дало, и обвинения писаря в адрес Акинфия Демидова были признаны ложными.

15 апреля 1735 г. Комиссия представила императрице экстракт из следственных дел и свое мнение по спорным вопросам «для апробации». По этим документам в Кабинете Ея Величества был составлен особый доклад, поданный для высочайшей резолюции¹⁷. Разбирательство по вопросам, ради которых затевалось следствие, близилось к завершению.

Но дела по доносам были от него еще далеки.

Следствие Лаврова

(осень 1735 г.)

11 сентября 1735 г. из Правительствующего Сената в Тульскую провинциальную канцелярию отправили с нарочным указ с требованием немедленно выслать в Петербург канцеляриста Якова Михайлова сына Самсонова, обязанного в течение месяца явиться «в Сенате у прокурорских дел». Указ получили 23 сентября; на следующий день в дом к Самсонову послали сержанта, но хозяина тот не нашел. Оказалось, что прошедшей ночью он был арестован и препровожден в распоряжение работавшей в Туле следственной группы, которую возглавлял капитан лейб-гвардии Преображенского полка Федор Лавров. Единственное, что оставалось провинциальной канцелярии — запросить Лаврова, «*оной Самсонов чего ради, к тому следствию истребовав, из провинциальной канцелярии взят,...* и в Сенат прислан будет ли»¹⁸.

Указ отправить Самсонова в Петербург, одновременное задержание его в Туле — события несогласованные, но взаимосвязанные. В свое время указавший следствию на любопытных для того лиц, он сам оказался «под колпаком». На него донес Родион Горбунов, сообщивший, что слышал от Самсонова «о даче Никитой Демидовым за интересныя, касающияся до него дела... тайному действительному советнику барону Шафирову денег 3 тысячи рублей». Самсонов сначала заперся, потом назвал имя тульского кузнеца Лукьяна Копылова. Тот также вначале отмалчивался, но, очутившись в застенке, «под пристрастием» сознался, что «Никита Демидов сказывал ему наедине, что помянутый барон Шафиров просил у него на вексель 2 тысячи руб.»¹⁹.

Мы не знаем, с каким указом ехал в Тулу Лавров, о чем именно поручено было ему «разыскать» по прибытии. Можно предположить, что Самсонова взяли либо в связи с его доносом на Игнатьева (то есть фактически по делу Акинфия), либо по горбуновскому доносу (очернявшему Никиту). Так или иначе, но Никита Демидов вниманием Лаврова был удостоен достаточно скоро. А тут еще и в очередной раз всплывшая история о скоропостижно скончавшейся дочери...

За арестом Самсонова последовало еще несколько, ощутимо, хотя и не надолго, опустошивших провинциальную канцелярию. И большинство задержанных чиновников было связано с делом о смерти Татьяны Демидовой.

29 октября 1735 г. Лавров лично явился в провинциальную канцелярию. Сославшись на полученный им именной указ, он потребовал выдать к переследованию «вершеное дело якобы о смертном убийстве дворянина Никитина сына Демидова дочери ево девицы Татианы». Просимое получил и унес. Вскоре, 8 ноября, посланные им три солдата арестовали секретаря канцелярии Николая Семенова, канцеляристов Ивана Гостеева и Романа Никитина. Несколько позже (между 16 ноября и 5 декабря) задержали еще одного чиновника — подканцеляриста Максима Викулина. Заметим, что по инструкциям запрещалось «отрешать» от работы секретарей и повытчиков (сошку помельче), «не приняв от них правления их дел по описи». Сделано это, однако, не было. Кроме того, дело изъято, а служащие арестованы были «без всякого письменного виду» — между тем по июльскому (того же года) указу это также не разрешалось, причем о нарушителях предписывалось немедленно сообщать в Кабинет.

Обо всем этом провинциальная канцелярия снова и снова напоминала Лаврову, стремясь ускорить освобождение чиновников, отсутствие которых, по ее уверениям, парализовало делопроизводство: «ныне... во оной канцелярии за взятъем... секретаря и канцеляристов во отправлении всяких требуемых по силе присланных... ис Правительствующаго Сената, из Сенацкой канторы, ис коллегии и канцеляреи, и ис протчих мест указов, и в сочинении ведомостей, и счетов, и всяких дел учинилась немалая остановка». В ответе Лаврова — спокойствие, несколько, может быть, высокомерное, за которым чувствуется и уверенность в своих силах, и убежденность в праве обходиться с законами «по усмотрению»: «Дело взято... по силе имеющагося у меня имянного... указу, по которому... и следуетца, и приличившияся по тому делу... секретарь и канцеляристы... взяты и содержатца под караулом до окончания... следствия; а из них ежели по следствию важности какой до кого не будет, тогда и без требования правинциальной канцелярии свобожены будут; а чтоб о том деле о приличившихся к следствию иметь с... канцелярией письменную пересылку — о том во оном... указе не изображено»²⁰.

Новые аресты, новые признания (ноябрь — декабрь 1735 г.)

Уровень своих полномочий Лавров еще раз продемонстрировал, арестовав 14 ноября 1735 г. самого Акинфия Демидова. Того пригласили на квартиру к Лаврову, который сказал ему «словесной домовый арест и приставил для содержания... дву человек солдат». Арестанту, жаловался его сын Прокофий, не позволили даже сообщить о себе, «куда надлежит». Показателен ответ Лаврова на требования челобитчика (упомянувшего, между прочим, и про запрет «словесных» указов):

«Что де ты мне сделаешь, что я так учинил? — я... о том в Кабинет... Императорского Величества писал»²¹

Выше говорилось о той непростой ситуации, в которую с началом следствия о заводах попал Акинфий Демидов, — обвинения в адрес его слагались и из претензий васьильевской ревизии, и из откровенных многочисленных доносителей. Акинфий, с его огромным, нажитым умом, неустанным трудом и удачливостью богатством, особенно возбуждал зависть и недоброжелательство. Сила и власть его,

Церковь Похвалы Богородицы.

казалось, пошатнулись: следствие затянулось на долгие полтора года. Наконец, в марте 1735 г. по ряду спорных вопросов выносится решение в пользу Демидова; тогда же его отпускают на заводы. С этого времени Демидов вновь набирает силу: очередные указы носят характер, в целом устраивающий заводчика. Сопоставим, однако, даты: в Туле он был арестован менее чем за месяц до первого из этих указов (от 12 декабря), под арестом просидел больше двух недель — и это в дни, когда дело явно шло к оправданию Демидова. Штрих для характеристики Лаврова выразительный.

Неизвестно, имел ли арест Акинфия отношение к делу его младшего брата и племянницы, но подозревать связь можно. Обратим внимание: произведен он был через шесть дней после привлечения к следствию основной группы тульских чиновников — то есть по прошествии времени, как раз достаточного для проведения первых допросов, расширивших, быть может, круг лиц, причастных к делу.

Но чем провинились сами чиновники? О чем так хотелось узнать Лаврову, без малого месяц потратившему на их допросы и очные ставки? Оказывается, в ходе первого следствия (того, что вела провинциальная канцелярия) были допущены нарушения процедуры делопроизводства, бросавшие тень и на Никиту Демидова, и на местную администрацию. Небрежностью грешила вся четверка арестованных в ноябре чиновников. Сидевший под караулом у Лаврова со второй недели ноября канцелярист Гостеев сознался в соучастии в подлоге документа. Он рассказал, что в одной из промеморий, поступивших в канцелярию из Архиерейского дома, было упомянуто об отклонении от общепринятой практики обряда погребения: сказано, что тело усопшей девицы Татьяны «не было посыпано перстию» (землей). Стремясь, вероятно, избежать досужих пересудов, Демидов попросил Шишкова и секретаря Семенова переписать бумагу, что по их распоряжению было исполнено подканцеляристом Викулиным. Новая (подложная) промемория была закреплена (подписана, заверена) Шишковым, Дионисием

и георгиевским попом Петром Петровым, «перемечена» Гостеевым, подлинная — «изодрана» канцеляристом Никитиным.

Лавров с проштрафившимися канцеляристами разобрался довольно быстро: взяв с них подписку о невыезде, отпустил по домам — Викулина 5-го, Семенова, Гостеева и Никитина 9 декабря²². Самсонов, проходивший сразу по нескольким сюжетам, несмотря на хлопоты провинциальной канцелярии, к середине января следующего, 1736 г., продолжал еще оставаться под стражей. Для освобожденных же пора было придумывать наказания.

Исчезновение обвинителя

(сентябрь 1735 — август 1736 гг.)

Занявшись судьбой Самсонова и его коллег, мы упустили из виду Родиона Горбунова. А напрасно. Лавина предпринятых Лавровым арестов — это ведь круги на воде и от брошенного им камня. Ниточки от Горбунова идут ко многим из действующих лиц этой истории, объединяют с первого взгляда независимые сюжеты. Как тот поживает и чем занимается?

Ответить на этот вопрос затруднительно, поскольку со свойственной ему непредсказуемостью и легкостью на подъем Горбунов в один прекрасный день взял и исчез. Дело было так.

После проверки горбуновского доноса на месте следственное дело и экстракт из него были посланы в Петербург, в Комиссию. Летом 1735 г. и Горбунов и Никита Демидов находились в столице. Горбунов 12 августа «обязался подпискою, что ему до решения того дела из Санкт-Петербурга не отъезжать и являться в Комиссии по вся дни». 3 сентября, по определению Комиссии, доносителю и обвиняемому велено было приложить к экстракту руки — «для всяких впредь споров». В феврале 1736 г. Никита Демидов по именному указу был «из Санкт-Петербурга отпущен в дом свой», что он и сделал, оставив «у дел во оной Комиссии» своего поверенного. Горбунов же к экстракту руки так и не приложил — с 17 сентября 1735-го до начала лета следующего, 1736, года в Комиссии он не появлялся. Поиски его в Петербурге оказались безуспешными.

Между тем 23 марта 1736 г. на докладных пунктах П. Шафирова императрицей был написан именной указ, повелевавший «дела помянутой Комиссии следствием оканчивать». Бюрократическая машина заработала вновь. Помимо прочего, велено было Горбунова, на отсутствие заверяющей подписи которого на материалах дела списали приостановку решения, «сыскивать по-прежнему и о сыску ево, как в Санкт-Петербурге, так и в Москве, и в Туле публиковать». Тульскому воеводе бригадир Тургеневу приказано было опечатать и охранять особым караульным принадлежавший Горбунову в Туле дом. Пойманного Горбунова предписывалось выслать в Петербург в Коммерц-коллегию

«за поруками, а буде порук не будет — то за караулом немедленно». Аналогичные указы и промемории Коммерц-коллегия направила в Тульскую провинциальную канцелярию (8 июня), в свою контору в Москве и в Главную полицмейстерскую канцелярию²³. 23 июля 1735 г. близкое по содержанию распоряжение адресовала в Тулу московская Коммерц-контора. Между прочим, в нем пойманного Горбунова предлагалось отправить не в Петербург, а в Москву — не исключено, что, передавая в центральное ведомство перехваченного беглеца от своего имени, возглавлявший контору М. Шафиров рассчитывал выслужиться перед столичными властями.

Бумага из Коммерц-конторы была получена 9 августа, и вскоре провинциальная канцелярия подготовила указ «во всенародное известие», подробно излагающий историю неугомонного и неуловимого Горбунова. Но вполне вероятно, что тульские жители так ничего и не узнали о его поступках и проступках — 11 августа воевода «с товарищи» получил указ (от 29 июля) из Комиссии следствия о заводах за подписью самого барона Шафирова. Сообщалось о принятом Комиссией 27 июля решении сообщить в Тулу, «дабы о нем, Горбунове, в Туле сыску не чинить, и дом ево распечатать, и караул свести, и домашним ево никакой турбации не чинить, для того, что он, Горбунов, ныне во оной Комиссии уже содержится под караулом»²⁴.

Отступление третье

Родион Горбунов: штрихи к портрету доносчика

Следующий за сим в архивном деле Тульской канцелярии документ хотя и ничего не дает для реконструкции событийной цепи (Горбунов-то в Петербурге), содержит несколько любопытных штрихов, рассказывающих нам об этом человеке.

Кто он — непримиримый борец с грозным Демидовым, владельцем нескольких заводов и множества крепостных душ? Пока что известно о нем только то, что он и его брат были казенными кузнецами и имели дом в Туле. Заглянем в это жилище, отправившись за копиистом провинциальной канцелярии Феоктистом Хлебниковым и солдатом Иевом Лашкиным, посланными 11 августа его «распечатывать». Находился дом в казенной Оружейной слободе. Придя на место, посланцы распечатали при понятых «чюлан с рухледью и в нем сундук з бельем, да коробочку малинкою с хрустальными стаканами...; и то распечатанное отдали матери ево, Родионовой, вдове Пелагеи Ксенифонтовой дочери Ивановской жене Семенова сына Горбунова»²⁵.

Итак, Горбунов был беден — какими же еще словами охарактеризовать имущественное положение, при котором в доме не находят ничего достойного «персонального» опечатывания, кроме сундука с бельем и хрустальных стаканов? Вспомним в этой связи описание еще одной части горбуновского имущества — ящиков, оставленных в Калуге. Всего-то и было в них: одна выдра, да холстина, да пачка старых писем. И бедность эта особенно бросается в глаза на фоне того, где Горбунов ищет источник существования, какое место в жизни пытается занять. Чего стоит хотя бы арендованный братьями завод. Конечно, по масштабам и сложности производства с заводом металлургическим винокуренный не сравнить — и все же, по формальному признаку они (братья) отныне заводчики. Да и выбор противника в многолетней тяжбе о многом говорит. Ведь не с соседом по зареченской улице схватился Горбунов — с самим Демидовым!

Во всем этом есть какая-то непропорциональность, гусарство, авантюризм. Поведение Горбунова во время следствия по его доносам подтверждает это. Измарав бывшего хозяина в грязи, можно было хорошо нагреть руки. Послужив у Демидова приказчиком, Горбунов узнал о нем немало компрометирующего. Штрафы за достаточно серьезные нарушения грозили немалые, и Горбунов вполне мог польститься на долю в штрафной сумме — глядишь, и поправились бы дела, расстроенные затеей с винокуренным заводом. Но доносчик не учел того, что собранный им на Демидова «компромат» должен содержать еще и достаточно сильные доказательства. Изобличающих заводчика документов у него не было, свидетелей обработал Демидов. А тут еще встречные обвинения последнего. Горбунов попадает в переплет, вырваться из которого пытается всеми доступными ему

способами. И прежде всего затягивает время — понимает, насколько дорого оно Демидову, насколько опасно оставлять огромное хозяйство на попечении таких, как он, Горбуновых. Способов «потянуть» дело немало. Можно, например, не поставить на документе свою подпись. В свое время он опробовал его, сидя под арестом в Туле на полковом дворе, — в тот раз сошло с рук. Теперь опыт повторяется на более, так сказать, высоком уровне — в петербургской Комиссии. И сопровождается исчезновением. А почему нет? Ведь он, в конце концов, обвинитель, а не обвиняемый.

Каждому — свое (1736 — 1739 гг.)

Утомленные неизменно малопорядочными поступками наших «героев», мы приближаемся к концу этой многолюдной и путаной истории. Подошло время окончательных решений и приговоров.

Судьбу всех доносчиков определило решение Кабинета, утвержденное императрицей 27 октября 1737 г.

Дело о предполагаемой взятке Шафирову, среди прочих, было для следователей самым щекотливым: тень должностного преступления падала на лицо, возглавлявшее Комиссию. Положение усугублялось тем, что в даче взятки обвинялся один из главных подследственных. Может быть, поэтому дело поспешили замять: решено было, поскольку «в том сумнительном деле... по розыску доискаться трудно, а люди перепорчены будут (трогательная заботливость! — И. Ю.), того ради тот розыск оставить, а за ложные их первые ответы канцеляриста Самсонова записать в салдаты, а с кузнеца Копылова взять в штраф 200 рублей в оружейную сумму».²⁶

В деле «о якобы убийстве» доказанным сочли только подмену промемории, за какое преступление и последовали соразмерные ему наказания. Вердикт в адрес тульских чиновников вынес²⁷ рассмотревший дело Кабинет Ея Величества. Провинившимся было назначено: секретарю Семенову — наказание плетью со взятием 100 рублей штрафа и понижением в должности до копииста, канцеляристу Никитину и подканцеляристу Викулину — то же, но с меньшим, в 50 рублей, штрафом. Гостеева за повинное признание наказали мягче: ограничились переводом в копиисты. Пострадали и начальники: полковник Шишков, в воеводах к тому времени уже не состоявший, был «унижен рангом» со взятием 200 рублей штрафа, новый воевода бригадир Тургенев, а с ним ассессор Жедринский, провинившиеся в том, что не разобрались в деле, «безвинно» наказали пономаря-доносителя, были оштрафованы на 50 рублей каждый.

Вынес Кабинет определение и в отношении духовных особ, участвовавших в «перекреплении подложной мемории»: Дионисия и соборного протопопа Никитина велено было штрафовать. Приговор этот 16 декабря 1737 г. Сенат сообщил Синоду, последний же 10 сентября 1738 г. принял собственное решение по поводу всех проходивших по делу подведомственных ему лиц. Наказание было не менее суровым, чем назначенное светской властью. Дионисий, человек, далеко не последний в среде тульского духовенства²⁸, был лишен чина, священства и отослан «в подначальство» в Серпуховский Высоцкий монастырь. Священства и чина лишился и Никитин; решить, «к какому послушанию, кроме священства, он явится потребен», велено было епископу Вениамину. Священника Петрова отстранили от решения дел в Духовном приказе, присутствующим в котором состоял, и подвергли «нещадному наказанию» плетью. Попы Никольской церкви, несмотря на то, что их вина за четыре с лишним года, пока тянулось дело, так и не была обнаружена (а может быть, именно благодаря этому), остались под подозрением: предписано было их вновь допросить, до особого указа запретив им служение. Только в 1739 г., после того как очередное следствие олять не обнаружило ничего нового, запрещение было снято. В том же году прощение заслужили и другие наказанные: Дионисию и Михаилу Никитину по ходатайству тульских жителей были возвращены их чины и священство, сами же они были определены на прежние места.

А что же Никита Демидов, на которого было сделано по крайней мере четыре доноса? Напомним: сначала его обвиняли в уклонении от налогов (Рыкалов), потом в поступках, препятствующих

Плащаница из Николо-Зарецкой церкви. Конец XVIII — начало XIX в. в.
Собрание Тульского областного краеведческого музея.

проведению следственных действий (Горбунов), наконец, в убийстве дочери (Петров) и взятке крупному чиновнику (цепочка Горбунов — Самсонов — Копылов). Неужели все — чистой воды оговор?

Безусловно, существовавшая в то время система поощрения доносительства содействовала укреплению «в гражданстве» очень многих качеств, но никак не чистосердечия и чувства гражданской ответственности. Разные мотивы двигали доносителями. Чаще всего они руководствовались личными интересами: стремлением быстро обогатиться, свести счеты с обидчиком, неудовлетворенными амбициями, униженным честолюбием. И все же нередко в их доносах содержалась немалая доля правды.

Демидовы были детьми своего времени, и писать с них иконные лики едва ли оправдано даже из лучших побуждений.

Но в данном случае Никите Демидову удалось оправдаться почти по всем обвинениям в его адрес. Впрочем, в делах, особенно в деле «о якобы убийстве», осталось много неясного. Из наказанных по нему в 1737 г. Демидов материально пострадал более всех. И все-таки сумма, с которой пришлось ему расстаться (500 рублей), смехотворна по сравнению с тяжестью преступления, в котором его обвиняли. (Кстати, 200 рублей получил доноситель, торжествовавший отмщение былых обид.) Так в чем же, по мнению судей, был виновен Демидов, за что оштрафован? В том, оказывается, что «за произыскивание к своему оправданию, явился подозрительным»²⁹. Другими словами, за попытку незаконным способом отвести от себя подозрения, хотя бы и ложные. И ни слова о причастности его к смерти дочери.

Оправдался? Очистился? За что же в таком случае получил 200 рублей правдолюб-пономарь? Ведь не в подлоге документов обвинял он Демидова и местную администрацию — в убийстве и потворстве убийце.

Не имея на руках новых данных, не рискуем оставить под подозрением человека, оправданного несколькими следствиями. Но, осмысляя эпизод в контексте истории рода, нельзя не вспомнить, что случай убийства близкого родственника в нем уже был: в 1728 году майской ночью выстрелом в затылок был прерван жизненный путь Григория Демидова, родного брата Никиты. Убийцей оказался его (Григория) сын Иван.

Отступление четвертое

Легенда и история (продолжение)

Прежде чем поставить точку в этой истории, вернемся к легенде об основании в зареченской Никольской церкви Андреевского придела. Она имеет отношение к реальной истории Татьяны Демидовой: в обоих случаях речь идет о внезапной смерти дочери Никиты Демидова, породившей слухи об убийстве ее отцом.

Согласно преданию, безымянная дочь Демидова была похоронена в Николо-Зарецкой церкви. Документальных данных о месте погребения Татьяны Демидовой мы не имеем. Но учтем, что, во-первых, у Никиты Никитича Демидова дом находился в Оружейной слободе, во-вторых, духовным отцом его исторической дочери был священник Николо-Зарецкой церкви, в-третьих, в 30-40-х гг. прихожанами этой церкви были члены семейств Василия, Евдокима и Никиты Демидовых, братьев Татьяны³⁰. Это позволяет достаточно уверенно предполагать, что и она была прихожанкой этой церкви, следовательно, похоронили ее при этом храме. Не забудем, что в подклети нижней церкви (в которой к 1734 году службы шли уже несколько лет), в западной части ее, находится усыпальница, устроенная Акинфием Демидовым специально для своих родственников.

Обратим внимание на некоторые детали. Предание говорит о том, что трагедия произошла на день св. апостола Андрея Первозванного. Память его православной церковью отмечается 30 ноября, что с датой смерти Татьяны Демидовой (19 августа) не совпадает. Но в день ее смерти

отмечается память другого святого по имени Андрей: мученика Андрея Стратилата. Совпадение?

Еще штрих. Сохранилась надпись на жертвенном кресте из Андреевского придела, в этом тексте сообщается дата освящения жертвенника: оно было произведено по благословию епископа Вениамина архимандритом Дионисием (знакомые все лица) 25 ноября 1734 г. То есть в год смерти Татьяны, по прошествии трех с небольшим месяцев — минимального времени, достаточного для устройства нового придела. Кстати, всего за 5 дней до дня св. ап. Андрея. Новые совпадения, заставляющие задуматься.

Итак, привлеченные документальные материалы позволяют с достаточной вероятностью предполагать, что предание, рассказанное Малицким об основании одного из приделов Николо-Зарецкой церкви, имеет историческую основу: Никита Демидов из легенды — это исторический Демидов Никита Никитич, сын основателя династии, не названная по имени дочь его — забытая составителями родословных Татьяна Никитична Демидова. Скоропостижная, неожиданная смерть Татьяны вызвала упорные слухи (разжигавшиеся к тому же демидовскими недоброжелателями). Убийцей молва назвала отца. Слухи эти, хотя и не были подтверждены следствием, долго еще роились и множились, пока, наконец, исчерпавшись в качестве актуальной сплетни, не перекочевали в фольклорную историю города, из которой и были почерпнуты Малицким.

Заключение

«Посмотри на русского человека: увидишь его задумчива...»

Это Радищев.

И хотя в другом абзаце он приписывает русскому национальному характеру черты, внешне плохо согласующиеся с задумчивостью (сварливость, например), согласимся, что одно лишь изучение отечественной истории (не говоря об участии, хотя бы и пассивном, в ней) нередко повергает душу в такое именно состояние. И часто невеселы сопутствующие ему думы.

Неуютен, жесток, нередко подл мир, в котором действуют наши «герои». И на правых и виноватых их не разделишь: стоит копнуть, как вскоре ясно становится — все хороши. Живут с волками и воют строго по пословице. Всего-то и разницы между ними: один себя в истории доносами запечатлел, другой — плавил металл, ставил заводы, основывал селения, выросшие потом в города. Россию строил.

Так что же — судить, «взирая на лица»? Что же — обличать, дозируя пафос в зависимости от послужного списка персоны?

Давайте попробуем не судить. Не властями, так историей большинство из них давно осуждено (справедливо ли — другой вопрос). У тех, которые при жизни осуждения избежали, — у них теперь один судья, самой высшей инстанции. Не нам соперничать с ним в строгости и милосердии. Задумаемся не о наказании задним числом — о том, откуда это жуткое ощущение собачьего сквозняка на душе...

Тут бы самое время вернуться к теме отступления за номером 1: о российской государственной модели «души гражданства» и влиянии ее на нравственное здоровье общества. Но это тема для разговора, слишком долгого и серьезного, чтобы приниматься за него после всех испытаний, перенесенных читателем на пути к последней строке этой истории.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Основан в середине 90-х гг. XVII в.
2. Здесь и далее даты по старому стилю.
3. В число которых входили не только вододействующие мануфактуры, но и многочисленные полукустарные, так называемые ручные заводы.

4. Рожков В. И. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии: (Материалы к истории горного промысла в России в царствование Анны Ивановны) // Горный журнал. 1885. № 5. С.245-247.

5. Полное собрание законов Российской империи. Т.6. Спб., 1830. С.297.

6. Российское законодательство X-XIX вв. Т.4. М., 1986. С.173-176.

7. Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953. С. 413, 414.

8. Согласно его объяснениям, 170 рублей были отвезены им «по письму ево, Демидова, и по приказу брата ево двоюродного Лукьяна Копылова... в город Мещевск для доплаты доимочных мельничных и других денег» — см. Государственный архив Тульской области (ГАТО), ф. 55 (Тульская провинциальная канцелярия), оп. 1, д. 3291, л.2.

9. 13 рублей, объяснял он, были переданы в Мещевске для «заплаты» оброчных денег с мельницы, 2 — отданы за рыбную ловлю и баню, 5 — «на свои расходы и приказным людям за работу», 12 — сыну хозяина Евдокиму и проч. (Там же, л.2 об.)

10. Там же. Л. 1-3.

11. В лице капитана полевой артиллерии Макара Половинкина.

12. Там же. Л.7-7 об., 11-12, 13-13 об., 15-16.

13. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. Т. XIV (1734 г.). Спб., 1910. Стлб. 585, 586.

14. Малицкий П. И. Приходы и церкви Тульской епархии. Тула, 1895. С. 39.

15. Он особенно любопытен тем, что отмечающий место старого алтаря памятник оказался внутри позднейшего храма. Чертеж находится в фондах Тульского областного краеведческого музея.

16. Афремов И. Ф. Историческое обозрение Тульской губернии. М., 1850. Ч.1. С. 82 (паг. отд. «Дополнения»).

17. Рожков В. И. Указ. соч. С. 249-251, 256.

18. ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 3757. Л.12, 13-13 об.

19. Рожков В.И. Указ. соч. С. 257.

20. ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 3757. Л. 1 об.-2 об., 3, 5, 19-20.

21. ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 3538. Л. 1-1 об.

22. ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 3757. Л. 4,5.

23. ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 3918. Л. 1-2.

24. ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 4299. Л. 1, 3-4.

25. Там же. Л.5-5 об. Из последней фразы узнаем имена родителей Родиона Горбунова: Пелагея Ксенофонтовна и Иван Семенович.

26. Рожков В.И. Указ. соч. С. 256, 257.

27. До 16 декабря 1737 г.

28. Он, между прочим, освящал два из трех престолов Николо-Зарецкой церкви.

29. Описание документов и дел... Стлб. 587.

30. Панов Г. Тульская Христорождественская, за рекою, или Николо-Зарецкая церковь // Тульские епархиальные ведомости. 1863. № 4. 15 февраля. С.234 (паг. отд. «Прибавления»); ГАТО, ф. 1770, оп. 1, д.327. Л.2.

Набережная реки Упы на старинной фотографии.
Фотоиллюстрации Вячеслава Малахова. Использованы репродукции старых фотографий
из архива Юрия Бардина и собрания Тульского областного краеведческого музея.